

Алла
Ларина

НА КРАЮ СЕВЕРА

Сын,
о котором ты не знала

Северный цикл (читаются отдельно)

Алла Ларина

**На краю севера. Сын,
о котором ты не знал**

«Автор»

2026

Ларина А.

На краю севера. Сын, о котором ты не знал / А. Ларина —
«Автор», 2026 — (Северный цикл (читаются отдельно))

Спасая остатки своего разбитого сердца, я уехала в крошечный городок на берегу северного моря. Ращу сына, вожу экскурсионные группы и стараюсь не вспоминать прошлое. Но всё меняется, когда к нам приезжает работать группа археологов. И её руководителем оказывается человек, который нас бросил.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	29
Глава 11	31
Глава 12	34
Глава 13	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Алла Ларина

На краю севера. Сын, о котором ты не знал

Глава 1

– Чёрт!

Я, чуть было не поскользнувшись на сырых после недавнего дождя камнях, упираюсь в колени ладонями, пытаюсь отдышаться. Потом оглядываюсь по сторонам.

– Платон! – зову, чуть повысив голос, прислушиваюсь.

– Я здесь, мама! – спокойный голос сына раздаётся из-за кустов на противоположном берегу ламбы, небольшого лесного озерца, мимо которого мы проводили группу туристов примерно полчаса назад.

Выдыхаю, расслабляясь, когда вижу Платона, раздвигающего ветки и выходящего по камням к воде.

Сын знает маршрут лучше любых экскурсоводов. Да и не он один... Большинство мальчишек и девчонок, живущих здесь, в крошечном городке на берегу Белого моря, шныряют по всем островам, протокам и лесным тропам едва ли не с подготовительной группы детского сада.

Беломорск вообще такое место, где дети как будто взрослеют чуть раньше. И не потому, что родители так уж беспечны и не следят за своими отпрысками. Просто иначе не получается.

Здесь все друг друга знают. Соседи знают соседей, их родителей, бабушек и дедушек. Любая продавщица в магазине, увидев в окно какую-то шалость, может позвонить матери раньше, чем сам ребёнок успеет придумать оправдание. А любой рыбак, встретив знакомого мальчишку за несколько километров от дома, обязательно поинтересуется, почему тот шляется один и не пора ли ему возвращаться.

Да и заблудиться тут непросто. С одной стороны море, с другой – лес, который местные дети знают не хуже собственных дворов. К тому же почти каждый из них с малых лет ходит за грибами, ягодами или на рыбалку. И Платон не исключение. Есть, правда, у сына свои странности... но к ним я как-то принооровилась.

Иногда мне кажется, что ориентируется он здесь даже лучше меня.

Вот и сейчас Платон уверенно перебирается по камням через узкую протоку и останавливается возле самой воды, на полоске земли, внимательно разглядывая что-то под ногами.

– Платош, я просила тебя не задерживаться, – говорю, добавив в голос укоризны. – Я же сегодня впереди...

К петроглифам Зала́вруги мы обычно водим группы вдвоём. Основная часть маршрута до каменного плато с наскальными рисунками проходит по тропинке через лес, поэтому чаще всего туристы идут гуськом, один экскурсовод впереди показывает дорогу, второй замыкает и следит, чтобы любители фотографировать каждую сосну не отстали и не потерялись.

Обычно я иду как раз последней – и легко могу приглядывать за сыном, который в свободное время любит составить мне компанию. Сегодня пришлось поменяться... а Люся, моя коллега, наверняка не обратила особого внимания, когда Платон отошёл в сторону. Сын вообще обладает талантом при желании скрываться просто моментально. Он уже давно обзавёлся умными часами с геолокацией, а я – приложением, в котором могу отслеживать его перемещения. Но это не значит, что я меньше за него переживаю.

К тому же его способности доставляют немало неприятностей учительнице в школе. И мне, разумеется, тоже. Потому что вызывают меня туда значительно чаще, чем остальных роди-

телей. Честно сказать, я уже с нетерпением жду летних каникул, которые должны начаться буквально через пару недель.

– Извини, мам, я отвлёкся, – абсолютно искренне отвечает Платон. – Тейво сказал, там есть что-то интересное.

Я только вздыхаю.

Воображаемый друг появился у Платона прошлой осенью, как раз когда сын пошёл в первый класс. Вроде бы обычная детская фантазия... Но потом он обзавёлся именем, привычками и собственным мнением практически по любому вопросу.

Сначала я перепугалась. Но полезла читать статьи, несколько вечеров просидела в интернете, изучая вопрос – и выяснила, что воображаемые друзья встречаются гораздо чаще, чем принято думать, и что это нормальное явление для детей, особенно с богатым воображением, которые много читают, любят придумывать истории или подолгу играют в одиночку.

Платон под описание подходил идеально. Читать он научился ещё в пять лет, истории придумывал такие, что иной взрослый позавидовал бы, да и компания для игр ему далеко не всегда была нужна. Поэтому спустя несколько месяцев я перестала настораживаться каждый раз, когда слышала очередное: «А Тейво говорит...» или «Тейво считает...»

Тем более что ничего опасного или странного его невидимый приятель никогда не советует. Наоборот, иногда мне даже кажется, что Тейво куда рассудительнее самого Платона.

Вот и сейчас сын выглядит совершенно спокойным.

– И что же интересного нашёл твой Тейво?

Платон приседает на корточки и показывает пальцем на мокрый песок у самой воды.

– Что там? – спрашиваю, подходя ближе.

– Следы, – отзывается он.

– Наверное, кто-то из туристов прошёлся, – киваю ему.

– Нет.

– Почему нет?

– Потому что они идут от воды.

Приглядываюсь внимательнее. Следы действительно тянутся от самого берега вверх по камням.

– Люди из воды не выходят, – заявляет Платон серьёзно.

– Рыбаки выходят, – замечаю в ответ.

– Здесь лодки нет, мама!

Логика у сына просто железобетонная иногда.

– Может, была, – вздыхаю, понимая, что они «с Тейво» уже что-то придумали.

– Может, – скептически кивает он, но, судя по голосу, моя версия его не убеждает.

– Сынок, мне нужно вернуться, там Люся сейчас проводит экскурсию. Ты догонишь группу? – спрашиваю без особой надежды.

– Я подожду вас здесь, – мотает головой Платон, тёмная чёлка падает ему на глаза, и я, машинально протянув руку, убираю со лба мягкие волосы.

Вылитый отец... Сердце вдруг колет – как будто начинает ныть рана, старая, зажившая и отболевшая, но оставившая после себя шрам.

– Хорошо, но не отходи далеко, договорились? – говорю негромко.

– Да, конечно, – Платон уже приседает на корточки, рассматривая землю.

Он так и полчаса просидеть может, если его что-то заинтересовало. Покачив головой, разворачиваюсь и быстрым шагом иду обратно к группе – когда дойду, как раз все нафотографируются с наскальными рисунками и наступит время идти обратно.

Пока иду, достаю мобильный. На время экскурсии мы отключаем звук, но тут именно в эту минуту, когда хочу глянуть на время, экран загорается – и я морщусь, увидев высветившееся имя.

Ну воскресенье же! Что опять?!

Но, вздохнув, поднимаю трубку.

– Да, Нина Николаевна, слушаю, – говорю быстро учительнице сына.

– Дарья Сергеевна, нам нужно поговорить, – строго заявляет она. – Жду вас в понедельник!

Глава 2

Весь вечер я безуспешно пытаюсь выяснить у Платона, что именно произошло в школе. Впрочем, слово «безуспешно» здесь не совсем подходит. Для того чтобы что-то скрывать, нужно хотя бы понимать, что произошло. А сын явно не понимает. Он честно рассказывает мне про итоговую контрольную по математике, про то, как Денис, один из его друзей-одноклассников, пролил компот в столовой, про найденное возле школы воронье гнездо и про рисунок, который они в пятницу делали на уроке. Но ничего хотя бы отдалённо похожего на проблему в его рассказе не находится.

В какой-то момент я даже начинаю подозревать, что Нина Николаевна просто решила обсудить какую-нибудь очередную ерунду. Например, тот факт, что Платон снова читает на уроках книжки... в чём лично я проблемы не вижу – какая разница, чем занят ребёнок, если он сделал все задания раньше других? Не шумит, не мешает остальным – ну и в чём проблема?

К счастью, в понедельник в музей выходной. Экскурсий нет, туристические группы не запланированы, поэтому к окончанию занятий в школе я прихожу заранее.

Платон выходит одним из последних, но тут ничего удивительного. Пока большинство несётся к выходу, он обязательно должен собрать все карандаши, аккуратно сложить тетради и проверить, не забыл ли чего-нибудь на парте.

– Нина Николаевна хотела со мной поговорить, – говорю ему после того, как обняла и поцеловала сына. – Подождёшь немного?

– Конечно, – спокойно кивает Платон. – Посидеть возле кабинета?

– Да, милый. Надеюсь, это ненадолго, – взъерошив ему волосы, улыбаюсь, подходя вместе с ним к двери.

Сын, снова кивнув, запрыгивает на широкий подоконник, устраивается поудобнее, достаёт из рюкзака блокнот и карандаш. Ещё не успеваю отойти, а на листе начинают появляться знакомые контуры лодки.

Даже не удивляюсь этому. Если оставить Платона на необитаемом острове с карандашом и бумагой, через час он всё равно будет рисовать петроглифы.

– Только никуда не уходи, – напоминаю ему.

– Не уйду, мам, – кивает сын, не поднимая головы.

Убедившись, что ближайшие полчаса он точно проведёт на этом самом месте, стучу в дверь кабинета.

Нина Николаевна приглашает меня войти.

На её столе лежат какие-то бумаги, журнал и толстая папка с документами. Вид у учительницы серьёзный настолько, что я сразу начинаю нервничать.

– Дарья Сергеевна, присаживайтесь, я хотела обсудить ситуацию с Платоном, – начинает она после короткого приветствия.

– Какую ситуацию? – спрашиваю, потому что женщина делает паузу. – Насколько я знаю, с успеваемостью у него всё хорошо...

– Речь не об успеваемости, – немного нервным тоном говорит она. – Учится он прекрасно. Более того, по некоторым предметам заметно опережает программу.

Я невольно чуть расслабляюсь. И зря.

– Но именно это зачастую и создаёт определённые сложности, – продолжает она строго.

– Простите, какие сложности может создавать ученик, который успевает по всем урокам? – поднимаю брови, такого мне в школе ещё не заявляли, хотя наслушалась за год я всякого.

Нина Николаевна вздыхает так, словно вынуждена объяснять в десятый раз очевидные вещи.

– Дарья Сергеевна, Платон постоянно выбивается из общей работы класса. Например, когда мы проходим новую тему, он начинает задавать вопросы, на которые невозможно ответить в рамках урока.

Меня так и подмывает сказать, что если она не может ответить на вопрос, заданный ребёнком, то проблема, очевидно, не в ребёнке... но на такую грубость я, конечно, не пойду. Да и вообще замечание звучит не слишком убедительно, как по мне. Поэтому произношу спокойно:

– Мне казалось, школа существует в том числе для того, чтобы дети задавали вопросы и получали на них ответы?

– Безусловно, – кивает Нина Николаевна. – Но есть разница между вопросами по теме урока и отвлечением на посторонние вещи!

– Платон нормально реагирует на замечания, – напоминаю ей. – Почему бы просто не сказать ему, что задать этот вопрос он может на перемене, подойдя к вам? Но хорошо, я вас поняла, я с ним поговорю насчёт этого. Что-то ещё?

– Да, – хмурится учительница. – Очень часто он отказывается выполнять задания так, как их выполняет остальной класс! Буквально две недели назад к занятию по окружающему миру дети должны были подготовить сообщение о животных Карелии. Ну... вы же понимаете, что большинство рассказало про белок, медведей... кого там ещё, лисы-волки. Платон принёс схему древней охоты на лося и десять минут объяснял, почему охотники каменного века использовали загонный способ!

Я невольно улыбаюсь, потому что вспоминаю, как он рисовал эту схему на листе ватмана два выходных дня.

– У него там были какие-то ошибки?

– Дарья Сергеевна, дело не в ошибках! – всплёскивает руками Нина Николаевна.

– Тогда в чём? – кажется, я уже окончательно перестаю понимать происходящее.

Учительница некоторое время молчит, потом снимает очки и откладывает их на стол.

– Скажите честно, вас никогда не смущало, что Платон почти не общается с другими детьми? – спрашивает осторожно.

– Он общается, – смотрю на неё растерянно, не понимая, к чему это.

– Со взрослыми – да, – кивает она. – Сотрудники музея его знают. Рыбаки на пристани знают. А вот среди одноклассников близких друзей у него нет.

– Не все дети обязаны дружить большими компаниями, – говорю с холодком.

– Конечно, – торопливо кивает Нина Николаевна. – Но есть и другие моменты! Например, Платон совершенно спокойно может перестать слушать объяснение новой темы, потому что рисует в тетради очередную лодку! Или начать спорить с учителем, если считает, что тот допустил неточность!

Вот тут я всё-таки начинаю раздражаться. Потому что прекрасно помню историю двухмесячной давности. Платон тогда действительно поспорил с учительницей.

Вот только причиной стало то, что в учебнике была ошибка в подписи к рисунку! И ошибка была вполне себе реальной!

– Если человек неправ, почему нельзя его поправить? – уточняю, стараясь говорить спокойно.

– Потому что есть правила поведения на уроке!

– То есть лучше промолчать, даже увидев ошибку там, где её быть не должно?

– Я этого не говорила.

– Тогда я вообще не понимаю, к чему этот разговор!

Нина Николаевна снова вздыхает, кидает на меня короткий взгляд, двигает по столу свои бумаги.

– К тому, что подобные особенности поведения иногда требуют дополнительной оценки специалистов, – говорит наконец, – Мне кажется... Дарья Сергеевна, Платону было бы полезно пройти психолого-медико-педагогическую комиссию!

Глава 3

Несколько секунд я просто смотрю на неё, не понимая – она в самом деле сказала то, что я сейчас услышала?

– Простите... комиссию? – переспрашиваю наконец

– Да, – теперь уже уверенно кивает Нина Николаевна.

– Из-за того, что мой сын любит историю, задаёт вопросы и хорошо учится?!

– Поймите, Дарья Сергеевна, – начинает она таким мягким и вкрадчивым тоном, что я немедленно чувствую, как начинаю беситься. – Ваш сын... сильно отличается от других учеников. Результаты его учёбы, проекты, которые он сдаёт... ну вы же понимаете?

– Нет, не понимаю! – отрезаю, стараясь держаться вежливо. – О чём вы вообще?! В чём проблема, что ребёнок интересуется вещами, выходящими за рамки программы?

– Понимаете, мы же должны всё это отражать в отчётах, – говорит Нина Николаевна медленно, словно взвешивая каждое слово. – И средняя успеваемость класса... на фоне отдельных детей выглядит, скажем так, на другом уровне... Это влечёт за собой вопросы...

– Вы сейчас серьёзно? – говорю тихо и зловеще. – Вы хотите сказать, что на фоне Платона остальные дети выглядят недостаточно успевающими, и это наша с ним проблема?! Или что, он просто настолько вам неудобен?

– Ну что вы, я ни в коем случае не собиралась... – суетливо произносит Нина Николаевна. – Но вы же и сами должны видеть... Конечно, я понимаю, что любая мать до последнего будет отказываться замечать особенности своего ребёнка, разумеется, я вас понимаю, Дарья Сергеевна!

– Зато я не понимаю вас! – встаю, не желая слушать эту чушь. – Нам пора заканчивать этот разговор!

– Дарья Сергеевна! – подскакивает учительница. – Подождите, пожалуйста, вы меня неправильно поняли!

Я уже берусь за ручку двери, но всё-таки останавливаюсь – не столько потому, что хочу продолжать этот разговор – нечего тут продолжать, всё и так предельно ясно, как по мне. Но нужно понять, насколько далеко зашла вся эта история.

– Хорошо, – говорю холодно, возвращаясь к её столу, но уже не садясь. – Объясните так, чтобы я поняла правильно!

Нина Николаевна заметно нервничает. Настолько заметно, что снова начинает бессмысленно переключать лежащие на столе бумаги с места на место.

– Дело не в том, что я хочу вас обидеть или как-то задеть Платона, – говорит тихо. – Просто в конце года мы оформляем характеристики на учеников. Их подписывает не только классный руководитель, но и администрация школы. И когда ребёнок сильно отличается от возрастной нормы по каким-то параметрам, мы обязаны это отражать.

– По каким именно параметрам? – уточняю сразу.

– По разным, – чуть дёргает плечом она. – В том числе по особенностям коммуникации, социализации, поведения в коллективе...

– И вы собираетесь написать, что мой сын ненормальный?!

– Никто такого писать не собирается! – испуганно возражает Нина Николаевна. – Но мы обязаны отметить то, что наблюдаем в течение года.

Она открывает лежащую перед ней папку и вытаскивает несколько листов.

– Платон очень способный ребёнок, – говорит таким тоном, который, видимо, по её мнению, может меня смягчить. – Возможно, самый способный ученик из всех, кого я выпускала за последние годы. Но при этом у нас есть вопросы, которые мы не можем игнорировать.

– Какие вопросы? – мне уже с трудом удаётся сдерживать раздражение.

– Например, его взаимодействие с другими детьми. Или его фиксация на отдельных темах. Или тот факт, что он регулярно говорит о... – кидает она взгляд на меня. – ...своём воображаемом друге... Причём говорит, как о реально существующем человеке!

– Многие дети придумывают воображаемых друзей!

– Да, но большинство из них всё-таки понимает разницу между игрой и реальностью.

– А с чего вы взяли, что Платон её не понимает? – прищуриваюсь, глядя на неё.

На этот вопрос она, видимо, ответить не может. Но тут же повторяет в который уже раз преувеличенно заботливо:

– Дарья Сергеевна, вы только поймите меня правильно! Я не ставлю диагнозы! Я же не врач и не психолог... Но администрация школы считает, что в характеристике нужно отразить необходимость обратиться за консультацией к специалистам.

– Администрация школы? – переспрашиваю медленно, и Нина Николаевна осторожно кивает.

– Да.

– То есть вы уже обсуждали моего сына без меня?

Учительница заметно смущается.

– Мы обсуждаем всех учеников. Это часть нашей работы.

– И к какому же выводу вы пришли? – стискиваю зубы.

– Что консультация специалистов была бы... настоятельно рекомендована.

Я смотрю на неё несколько секунд, потом перевожу взгляд на лежащую на столе папку. И понимаю, что это не инициатива одной Нины Николаевны. Слишком уж она нервничает, слишком осторожно подбирает слова.

– Директор тоже так считает? – спрашиваю прямо, и вижу, как она отводит глаза.

– Понятно, – киваю сухо.

– Дарья Сергеевна...

– Нет, Нина Николаевна. Теперь мне действительно всё понятно, – разворачиваюсь к выходу.

– В характеристике будет указано, что школа рекомендует пройти психолого-медико-педагогическую комиссию, – тихо произносит она мне в спину. – Мы обязаны это написать при наличии настороженности в отношении возможных особенностей развития.

– Пишите что хотите, – говорю на удивление спокойным голосом, во всяком случае, куда спокойнее, чем я себя чувствую. – Но если вы ждёте, что я соглашусь с тем, что мой сын нуждается в какой-то комиссии только из-за того, что он умнее большинства сверстников, не всегда соблюдает правила и не слишком удобный ученик, то этого не будет!

Не дожидаясь ответа, открываю дверь и выхожу в коридор.

– Мам? – поднимает на меня глаза сын.

– Пойдём, Платош, – киваю ему и протягиваю руку, когда он спрыгивает с подоконника.

– Всё в порядке? – спрашивает ребёнок.

– Более чем! – киваю уверенно.

Нет уж, просто так я этого не оставлю! Да, я знала о том, что директор ко мне... скажем так, не особенно расположена. Но надеялась, что та история осталась в прошлом! А уж отыгрываться на моём ребёнке... это совсем днище!

Ну, значит, пришло время поговорить кое с кем!

Глава 4

– Мам, а мы домой идём? – спрашивает Платон, когда мы выходим на крыльцо.

– Пока нет, – качаю головой, доставая телефон из кармана жилета.

Сын вопросительно смотрит на меня, но благоразумно не лезет с расспросами. Вместо этого снова открывает свой блокнот и начинает что-то дорисовывать прямо на ходу. Уже открываю было рот, чтобы попросить его отложить это дело... и останавливаю сама себя.

Пусть рисует. Я же рядом, прослежу. Всё лучше, чем если он будет точно так же идти, но только уткнувшись в экран мобильного телефона!

Мы сворачиваем с территории школы, пересекаем двор и направляемся в сторону центра города. День выдался на удивление тёплым для северной весны, солнце уже припекает почти по-летнему, а с моря тянет прохладным ветром. Обычно такая погода поднимает мне настроение, но сейчас я почти ничего вокруг не замечаю.

Слишком сильно киплю внутри!

Возможно, если бы директором была кто-то другой, я бы ещё засомневалась. Прислушалась бы к словам Нины Николаевны. Попыталась посмотреть на ситуацию со стороны. Но Тамару Павловну я знаю слишком хорошо... к сожалению.

Проблемы в отношениях у нас начались несколько лет назад. Платон тогда был ещё совсем маленький, я только-только вышла из декрета на работу в музей, пыталась привыкнуть к новой жизни и окончательно смириться с тем, что теперь всё будет иначе, чем я когда-то планировала.

Разумеется, весь город был в курсе, что Дарья Белова, закончив университет, вернулась из столицы беременная и без мужа. Знал об этом и сын Тамары Павловны Илья, который когда-то, в старших классах школы, пытался за мной ухаживать. Мне и тогда это было не нужно, я готовилась к поступлению, лишь бы сбежать из провинции – а для этого нужно было сдать экзамены. Тем более не нужно было потом, когда я пыталась собрать осколки своего разбитого сердца и растить малыша.

Но Илья был свято уверен, что я схвачусь за такую возможность – то есть, за него – лишь бы не оставаться матерью-одиночкой. Естественно, именно так же думала его мать – только без всякой радости по этому поводу. Не помогло даже то, что я честно сказала ей прямо в лицо, что не собираюсь «ловить» её сыночку-корзиночку.

До сих пор помню выражение её лица и тот снисходительно-презрительный тон.

«Дашенька, ты же понимаешь, что одинокой женщине с ребёнком стоит адекватно оценивать свои перспективы!»

– Мам, ты какая-то грустная? – слышу тихое сбоку и, постаравшись согнать с лица напряжённое выражение, поворачиваюсь к сыну и улыбаюсь.

– Нет, Платош, – качаю головой. – Я, может быть, немного огорчена... но это не из-за тебя.

– А из-за чего?

– Просто разные мысли...

– Мам, а что такое комиссия? – вдруг спрашивает Платон, и я невольно вздрагиваю.

– Откуда ты знаешь про комиссию? – внимательно смотрю на него.

– Нина Николаевна сказала.

Вот ведь... Ну конечно, сказала! Наверняка ещё тогда, когда обсуждала его с психологом, директором и кем-нибудь ещё!

– Это когда взрослые собираются вместе и что-то проверяют, – отвечаю максимально спокойно.

– И меня надо проверить?

– Нет, сынок, тебя не надо проверять... но в целом детей проверяют иногда, да, такое бывает.

– А зачем?

Вопрос закономерный.

– Потому что взрослые любят создавать себе работу, – отвечаю хмуро.

Вообще-то не надо бы так говорить. Но меня так взвинтили с этой чёртовой комиссией... Правда, Платон задумчиво кивает на мои слова. Судя по выражению лица, объяснение кажется ему вполне логичным.

Мы проходим ещё несколько метров, потом сын снова поднимает голову.

– Тейво говорит, что ты сейчас очень сердитая.

Я невольно фыркаю.

– Пожалуй, я готова согласиться с Тейво.

– А ещё он говорит, что есть способ перестать сердиться!

– Да? Это какой же? – смотрю на него с интересом.

– Пойти поесть мороженого! – кидает на меня хитрый взгляд Платон, и я невольно смеюсь.

– А Тейво дело говорит, – киваю весело. – Пойдём. Съедим по мороженому!

Мы доходим до кафе на берегу реки, я беру Платону мороженое и чай, себе кофе и калитку с картошкой – карельский традиционный открытый пирожок. И пока сын ест, раздумываю, как поступить.

Потому что ладно бы, если б дело было только в Илье. Я всё-таки действительно несколько раз отказалась с ним встречаться... правда, не уверена, что его матери этого было достаточно. Да и самому Илье тоже. Есть такие мужчины, которые настолько свято уверены в собственной востребованности, что просто не могут до конца понять, когда им говорят «нет».

Но пару лет назад у нас случилась другая история.

Городская администрация решила провести масштабное благоустройство территории возле музея. Проект выглядел красиво на бумаге, в презентациях и отчётах, но на деле предполагал вырубку деревьев возле одной из туристических троп.

Разумеется, местным жителям это не понравилось. И мне тоже. Поэтому на общественных слушаниях я высказалась достаточно откровенно.

Очень откровенно.

Настолько откровенно, что спустя несколько дней обнаружила свою речь в местной группе во ВКонтакте. А рядом фотографию сидящей в президиуме Тамары Павловны.

Оказалось, что директор школы входила в состав комиссии, поддержавшей проект. Тогда мы тоже успели обменяться мнениями. И, судя по всему, она до сих пор ничего не забыла.

Проблема в том, что у меня не было альтернативы. Та школа, в которую ходил Платон, была буквально в двух шагах от дома и от музея, где я работала, в самом центре города. До другой ему пришлось бы добираться на портовую сторону через два моста. И к тому же наша считалась сильнее...

– Мам, я почти всё! Мы сейчас куда? Домой? – спрашивает сын.

– Подожди, Платош, – снова достаю мобильный и нахожу нужный номер.

После второго гудка в трубке раздаётся знакомый мужской голос.

– Алло?

– Здравствуйте, Виктор Семёнович. Это Дарья Белова. У вас найдётся сегодня время для разговора?

На несколько секунд на том конце воцаряется тишина.

– Найдётся, – отвечает глава городской администрации. – Что-то случилось?

Глава 5

Я бросаю взгляд на Платона, который в этот момент старательно вылавливает ложечкой остатки подтаявшего мороженого из креманки.

– Да, Виктор Семёнович, пожалуй, случилось. Но это не телефонный разговор.

– Настолько серьёзно? – вздыхает после паузы мужчина.

– Для меня – да, – отвечаю честно.

– Хорошо. Я в администрации до шести. Приходите, поговорим.

Поблагодарив его, заканчиваю вызов и убираю телефон в карман.

Меньше чем через полчаса мы уже поднимаемся по ступенькам знакомого здания. Виктора Семёновича я знаю давно. Не настолько близко, конечно, чтобы считать другом семьи, но достаточно хорошо, чтобы иногда обращаться по рабочим вопросам. Особенно если они касаются музея, туристических маршрутов или благоустройства территории вокруг петроглифов.

Платона оставляю в приёмной. Секретарь главы администрации знает его едва ли не с рождения, поэтому без всяких возражений выдаёт ему бумагу, карандаши и кивает мне с обещанием присмотреть.

Когда я захожу в кабинет, Виктор Семёнович уже поднимается мне навстречу.

– Здравствуйте, Дарья. Так что произошло, рассказывайте?

Я пересказываю разговор с Ниной Николаевной почти дословно. Глава откидывается на спинку кресла, молчит, задумчиво постукивая карандашом по столу, потом поднимает на меня глаза.

– Дарья, я не могу вмешиваться в решения педагогов напрямую, – говорит мягко и поднимает руку, когда я уже открываю рот. – Подождите, давайте всё-таки попробуем разобраться спокойно. Насколько я понимаю, речь пока идёт не о том, что вашего сына куда-то отправляют принудительно, так ведь? Вам выдали рекомендацию и собираются указать её в характеристике. Неприятно? Безусловно. Но это всё-таки не одно и то же.

Я только качаю головой. Спокойно разобраться, конечно... Легко говорить о спокойствии человеку, чьему ребёнку не поставили подозрение о каких-то мифических «особенностях развития».

– Виктор Семёнович, вы же сами понимаете, что это даже звучит нелепо! – говорю, стараясь держать себя в руках. – Мне не привели ни одного серьёзного аргумента. Ни одного! Только то, что Платон задаёт слишком много вопросов и увлекается историей, а не сидит играет в телефоне в Роблокс с одноклассниками!

Мужчина снимает очки, устало потирает переносицу, потом кидает на меня ещё один взгляд.

– Если честно, я не думаю, что дело только в этом, Дарья. И вы тоже не думаете, так ведь?

– На что вы намекаете? – говорю, стараясь сдерживать напряжение в голосе.

– На то, что вы прекрасно знаете Тамару Павловну.

Молчу, и Виктор Семёнович кивает моему молчанию.

– Ну и почему вы удивлены?

Я невольно отвожу взгляд к окну. Наверное, потому что до сегодняшнего дня у меня всё-таки была надежда, что взрослые люди способны отделять личное от работы. Похоже, зря...

– Даже если вы правы, – произношу наконец, – это ничего не меняет. Я не собираюсь позволять ей сводить со мной счёты через моего сына!

– И правильно, – неожиданно соглашается Виктор Семёнович. – Только есть одна проблема. Платону учиться в этой школе ещё десять лет, понимаете?

– Спасибо, что напомнили, – вздыхаю, потому что именно об этом сама стараюсь сейчас не думать.

– Дарья, я серьёзно. Допустим, я попрошу управление образования разобраться. Допустим, рекомендацию уберут – и, возможно, директору объяснят, что перегибать палку не стоит. А дальше-то что?

Что-что... понятно, что.

– А дальше Платон останется в той же школе, – продолжает Виктор Семёнович. – У него останется та же директор, те же учителя, тот же коллектив... А ваш с Тamarой Павловной конфликт никуда не денется. Вы бы подумали всё-таки, Дарья, о том, чтобы как-то перестать с ней воевать...

– Я с ней не воюю, – качаю головой. – А вот она со мной – похоже, да. Как мне с ней налаживать отношения, если она моего сына на комиссию посылает?!

Глава администрации некоторое время смотрит на меня, потом пожимает плечами, понимая и сочувственно улыбается:

– Дарья, я работаю с людьми почти тридцать лет. К сожалению, иногда приходится налаживать отношения даже с теми, кого хочется придушить собственными руками.

Киваю, потому что его я тоже могу понять. Ему приходится лавировать и сохранять отношения со всеми... чем он успешно и занимается уже несколько десятилетий.

Несколько секунд я честно пытаюсь представить себе разговор по душам с Тamarой Павловной. Получается плохо – совершенно не представляю, что я могу ей сказать, чтобы смягчить отношения между нами.

– Вы всё-таки подумайте, Дарья, – говорит после паузы Виктор Семёнович. – Уверен, вам это по силам. Ну и я обещаю, что постараюсь помочь с этим вопросом. Но раз уж вы пришли, у меня есть к вам встречная просьба!

– Какая именно? – уточняю настороженно, потому что обычно после таких слов следует какая-то гадость.

– Вы наверняка уже слышали про новую экспедицию, – говорит глава, переключая бумагу.

– Какую экспедицию? – уточняю растерянно. – Нет, не слышала...

– Археологическую, – судя по выражению его лица, мой ответ ему не очень нравится, но он сразу продолжает: – Несколько недель назад были согласованы дополнительные исследования на территории возле Залавруги. Археологи получили разрешение снять ещё часть грунта и растительного слоя на одном из участков. Есть предположение, что там могут находиться новые группы петроглифов.

Вот же... Да, с этим совершенно точно будут проблемы. Подобные проекты всегда означают бесконечные согласования, комиссии, проверки и конфликты между музейщиками и исследователями.

– И какое отношение это имеет ко мне? – спрашиваю подозрительно, уже начиная догадываться, к чему идёт разговор.

– Самое прямое, – подтверждает мои мысли Виктор Семёнович. – Музей должен выделить сотрудника для постоянного взаимодействия с экспедицией. Для сопровождения работ, консультаций, решения организационных вопросов и общения с туристами.

– Виктор Семёнович! – вырывается у меня стон. – Ну сезон же!.. У меня экскурсии, у Платона каникулы в школе, я с ним стараюсь больше времени проводить! Эти археологи, это же...

Проглатываю то, что собиралась сказать.

У меня есть своя веская причина, чтобы не любить археологов. Но озвучивать её я, конечно, не собираюсь.

– Вы мне подсовываете головную боль и геморрой на всё лето! Я не хочу брать это на себя!

Виктор Семёнович понимающе улыбается – я бы даже сказала, слишком понимающе.

– Дарья... именно поэтому я и прошу вас.

– Очень убедительный аргумент!

– Дарья, вы лучше всех знаете эту территорию, – подаётся вперёд глава. – Вы работаете с туристами, умеете находить общий язык с людьми. И, что особенно важно, вы достаточно упрямы, чтобы не дать никому наломать дров!

– Я могу отказаться? – выдыхаю устало.

– Подумайте хотя бы до завтра, – просит он. – Вы же понимаете, что, если вы откажетесь, мне придётся искать кого-то другого. А потом этот кто-то другой придёт жаловаться вам же, потому что ничего не понимает ни в маршрутах, ни в туристах, ни в особенностях территории!

Вот ведь...

Неприятно признавать, но в его словах есть доля правды.

– Я подумаю, – отвечаю наконец через силу.

– Прекрасно, – довольно кивает Виктор Семёнович. – А я тогда со своей стороны, если возникнет такая необходимость, постараюсь поговорить с Тамарой Павловной и с комиссией тоже.

Глава 6

Ростислав

– Ростислав Александрович, вы ещё здесь? – заглядывает в кабинет одна из моих аспиранток. – Уже почти девять.

Поднимаю голову от разложенных на столе карт и несколько секунд смотрю на неё, пытаюсь вспомнить, о чём вообще идёт речь. Потом перевожу взгляд на часы – да, чёрт, надо же... за половину девятого вечера перевалило. Действительно засиделся.

За окном давно стемнело, в коридорах университета тихо, из всей кафедры, судя по всему, остался только я.

– Да, уже собираюсь, – отвечаю спокойно. – Ещё пару минут – и пойду.

– Может быть, вас подвезти? Я на машине...

– Я тоже, – говорю спокойно, но твёрдо. – Идите, Вероника, всё в порядке.

Девушка кивает. Она уже второй год работает со мной и успела понять, что я легко могу забыть про время, когда погружён в работу. А уж если до экспедиции остались считанные дни, то меня вообще лучше оставить в покое и не мешать.

Дверь кабинета закрывается, а я снова склоняюсь над картой.

Спутниковые снимки, результаты прошлых исследований, аэрофотосъёмка, архивные материалы – всё это уже несколько недель складывается в одну картину, которая откровенно не даёт мне покоя.

Если мои расчёты верны, на этой территории возле Залавруги может находиться ещё одна группа петроглифов. Возможно, небольшая, несколько фигур... но даже этого будет достаточно. Любое новое изображение, найденное на Белом море, становится событием.

А если удастся обнаружить целую композицию...

Откидываюсь на спинку кресла и провожу ладонью по лицу. Нет, раньше времени лучше не загадывать.

За столько лет работы я успел убедиться, что археология – наука крайне неблагодарная. Ты можешь годами жить одной идеей, месяцами готовить экспедицию, провести всё лето по колено в грязи и в итоге обнаружить три камня и старую консервную банку.

Бывает, конечно, и наоборот... Но для этого должно не просто повезти – а чертовски повезти. Ну что ж – когда-то, ровно сто лет назад, местный житель просто показал студенту скалу с петроглифами, которые потом назвали «бесовы следки». Будем надеяться, что нам попадётся наш собственный чёрт.

В дверь снова стучат, и на этот раз в кабинет заглядывает заведующий кафедрой.

– Всё сидишь?

– Как видишь, Игорь Моисеевич, – хмыкаю, отодвигая карту.

Мы с Игорем когда-то были однокурсниками и умудрились сохранить нормальные отношения, хотя академическая среда – тот ещё гадючник. Может быть потому, что нам нечего было делить. Он сразу пошёл по административной части... а я предпочитал полевую работу.

– Документы готовы и подписаны, Ростислав, – коллега проходит в кабинет, садится напротив. – Все разрешения получили окончательно... но есть нюанс.

Поднимаю на него взгляд. В нашей работе – да и вообще в любой, наверное – после слов «есть нюанс» ничего хорошего обычно не следует.

– Какой? – прищуриваюсь, пытаюсь понять, какая новость мне сейчас свалится на голову.

– Местный музей выделяет сотрудника для взаимодействия с экспедицией, – говорит завкафедрой. – Вопрос согласован на уровне администрации города.

– И? – пожимаю плечами после паузы.

– Ростислав, ты прекрасно знаешь, что бывает с местными музеями.

Сдерживаю вздох, потому что да, я прекрасно знаю. За последние годы мне доводилось работать с самыми разными людьми. От замечательных специалистов, влюблённых в своё дело, до сотрудников, которые воспринимали археологов как личных врагов, приехавших исключительно затем, чтобы всё разрушить.

– Будем надеяться, нам повезёт, – перевожу взгляд от карты за окно.

– Постарайся никого там не довести до нервного срыва в первые же дни, – хмыкает Игорь, поднимается, поправляет очки.

Только слегка качаю головой. Можно подумать, я кого-то довожу! Большинство сами по себе доводятся!

– Ладно, давай, – завкафедрой кивает мне. – Я, конечно, до сих пор не удивляюсь, какого лысого чёрта ты так упёрся в этот Беломорск... когда тебе предлагали войти в международную группу по исследованиям Несс-оф-Бродгара на Оркнейских островах. Пол-Европы мечтает туда попасть, а ты выбрал комаров, болота и карельские скалы.

– Я патриот своей страны, – отвечаю машинально так, как привык отвечать на такие расспросы.

– Ты кому-нибудь другому лапшу на уши вешай! – фыркает он. – Я же знаю, что...

– Игорь, заткнись! – вырывается у меня. – Знаешь – вот и знай себе на здоровье! И не задавай дебильных вопросов!

– Ладно, ладно! – поднимает руки бывший однокурсник. – Давай, удачи!

– Спасибо, – бурчу себе под нос.

Ничего он не знает. Точнее, он знает то, что знали все, кто был свидетелем моего безумного романа времён студенчества... но обсуждать это я не собираюсь.

Не слишком-то приятно вспоминать, что тебя бросили, да ещё и максимально подлым способом.

Через несколько минут я наконец закрываю ноутбук, собираю бумаги и выхожу из университета. Но до машины идти не успеваю – начинает звонить мобильный. Мне даже смотреть на экран не нужно. В это время суток может позвонить только один человек.

Глава 7

Ростислав

- Да, тётка Лид, – отвечаю на звонок.
- Ты живой? – скептический голос тётки.
- Пока да, – невольно улыбаюсь.
- А по голосу не скажешь. Опять сидишь на работе до ночи?
- Уже ухожу, – открываю дверь машины, закидываю туда рюкзак.
- Ужинал? – очередной подозрительный вопрос.
- Конечно... – говорю максимально правдивым и естественным голосом, но молчание в трубке получается таким выразительным, что я невольно усмехаюсь. – Ладно. Нет, не ужинал.
- Так я и знала! Жду тебя, Ростислав!
- Хорошо, – даже не пытаюсь спорить, когда она говорит таким тоном, это дело пропащее.
- Через полчаса буду.

Квартира встречает меня умопомрачительными запахами, от которых тут же начинают слюни течь.

- Господи, на кого ты похож... – вздыхает тётка вместо приветствия, открыв мне дверь.
- Опять похудел!
- Ничего подобного, – качаю головой.
- Иди уж, – она забирает у меня куртку и тут же толкает в сторону кухни. – Руки только помой!

Усмехнувшись, иду в ванную. Ничего не изменилось... и это даже хорошо. Успокаивает.

Тётка взяла меня к себе после того, как мои родители погибли во время очередного восхождения... оба много лет серьёзно занимались альпинизмом. Отец, сорвавшись, сломал ногу на такой высоте, эвакуация откуда была невозможна. Дело осложнилось испортившейся погодой и начавшимся бураном. Спасателям удалось выйти на связь с матерью. Ей говорили оставить его и возвращаться одной – спуститься хотя бы до уровня, куда мог подлететь вертолёт.

Она отказалась бросить мужа.

Так они и остались где-то там, в горах. Вдвоём.

Мне было двенадцать.

Только потом, повзрослев, я понял, на какую жертву пошла тётка Лида – совсем нестарая в то время женщина, отказавшаяся от того, чтобы устраивать свою судьбу, и взявшая на себя заботы о подростке в самом кошмарном возрасте... да ещё и с соответствующими проблемами с поведением и психикой, неудивительными после такой потери.

Вёл я себя отвратно, сейчас-то я очень хорошо это осознаю. Даже с её безграничным терпением, как она только выдержала мои бесконечные отказы учиться, хамство, вспышки злости... правда, однажды я всё-таки нарвался – после привода в полицию за хулиганство.

Это был единственный раз, когда тётка потеряла самообладание. Сначала недрогнувшей рукой выдрала меня солдатским ремнём, а потом договорилась со своим знакомым, и я на всё лето уехал на Вахту Памяти – работать с поисковыми отрядами, поднимающими останки бойцов, погибших в Великую Отечественную. Заниматься «общественно полезным трудом» по её выражению. А если по-простому – перекапывать сотни и сотни квадратных метров земли, выгаскивать из неё ржавые каски, осколки снарядов, патроны, проржавевшие котелки и иногда человеческие кости.

Тогда мне было четырнадцать, и первые несколько дней я считал это самым ужасным наказанием в своей жизни. Комары, бесконечный дождь, вечно мокрая одежда и хлопающие сапоги, палатки, тяжёлая работа с утра до вечера...

А потом мы нашли первого бойца.

Вернее, нашёл его не я. Один из поисковиков осторожно расчистил землю и вдруг замолчал. Помню, как все вокруг сразу перестали разговаривать и начали работать совсем иначе – тихо, медленно, почти бережно. Тогда я впервые увидел, как взрослые мужики снимают головные уборы перед останками человека, которого не знали и который погиб за несколько десятилетий до их рождения.

Наверное, именно в тот день я впервые по-настоящему понял, что прошлое – это не даты в учебниках и не скучные параграфы по истории. Оно лежит буквально у нас под ногами. И иногда достаточно всего нескольких сантиметров земли, чтобы между тобой и человеком, жившим много лет назад, вдруг исчезли эти семьдесят, сто или даже пять тысяч лет.

За тот урок я был благодарен тётке Лиде до сих пор.

Он же определил всю мою дальнейшую жизнь.

– Ешь, ешь давай, – тётка присаживается напротив меня, подпирает щёку рукой, глядя, как я опустошаю тарелку с супом. – Сейчас ещё пюре с котлетами положу.

– Ты меня откормить пытаешься?

– Да это бесполезно, – машет рукой она. – Но на человека хоть немного ты должен походить!

Я только качаю головой, потому что по её взгляду уже вижу, что мне предстоит и что последует дальше, когда наемся.

– Ростик...

Ну я же говорил! В смысле, думал. Началось...

– М-м? – не поднимаю глаз от тарелки.

– Тебе уже далеко за тридцать...

– Тридцать три вообще-то, – усмехаюсь, покачав головой.

– Не принципиально, – поджимает губы тётя Лида.

– И что? – вздохнув, всё-таки поднимаю на неё взгляд.

– И ничего. Просто думаю иногда... когда ты уже наконец женишься?

– Тётя Лид, ты опять? – сдерживаюсь, чтобы не закатывать глаза.

– А что опять? Мне интересно!

– Мне тоже интересно.

– Что тебе интересно? – непонимающе смотрит на меня тётка.

– Когда я наконец женюсь.

– Ростик, я ведь не шучу, – она улыбается, но тут же снова становится серьёзной. – Ты всё время один! Всё время в своих экспедициях... и ладно бы куда-то хоть за границу ездил, а то ведь по нашим местным гребням мотаешься!

– Ой, ну ты только не начинай, – морщусь, отодвигая тарелку.

– А чего не начинай-то! – хмурится тётя. – Такое образование получил, такие перспективы, а сам...

– Вот именно, сам, – перебиваю её. – Я сам всё решу, тётя Лид.

– Да вижу я, как ты всё решаешь, – ворчит она. – Столько девчонок вокруг тебя крутилось, я же видела все эти годы! Да и сейчас тоже. Выбирай – не хочу! А ты... эх.

Да. Эх. Выбрал... на свою голову.

Вспомнить тошно.

Нет, не хочу я заново во всё это влезать. Говорят, по-настоящему человек может влюбиться только раз в жизни. Ну, мне хватило. Может, потом, попозже, найду какую-нибудь подходящую девушку, когда решу остепениться, осесть, детей завести. Но точно не сейчас.

– Я уеду через несколько дней, – говорю после паузы. – В Карелию.

– Господи, поближе-то ничего найти не мог, – вздыхает тётя Лида. – Опять куда-то к чёрту на куличики...

– Работа у меня такая.

– А жизнь когда? – качает она головой, но потом слегка улыбается. – Ладно. Езжай, открывай свои древние камни. И подумай всё-таки, о чём я тебе сказала!

– Подумаю, – обещаю с улыбкой, в конце концов, обещание мне ничего не стоит. – Спасибо, тётъ Лид.

Через три дня мы выезжаем из Москвы – поездом, добираться почти сутки. Садимся поздно вечером, и в Беломорск прибываем тоже вечером, но хотя бы не ночью, выбрали максимально быстрый вариант, хоть и не фирменный поезд. Меня не смущают старые вагоны и «гравитационный» туалет, закрывающийся за полчаса до каждой остановки. Вижу, правда, что Вероника, моя аспирантка – одна из двух девушек, которые едут с нашей группой, то и дело морщит нос, но делаю вид, что не замечаю. Ей придётся привыкнуть. Или не надо было выбирать такую специализацию.

Беломорск встречает нас свежестью, даже, пожалуй, холодом. Ну, неудивительно в это время года. Зато комаров ещё нет. Быстро вызываем такси, доезжаем до гостиницы, где пока остановимся – практически единственной на весь город.

Всех быстро расселяют по номерам, явно подготовились заранее и ждали. Я строго предупреждаю группу, чтобы ложились спать и завтра были готовы с самого утра, без всяких «проспал-опоздал». Кидаю в номере вещи... но сам не могу лечь.

Зудит у меня, чёрт подери...

И дело не в экспедиции! Себе-то самому можно не врать.

Не выдержав, выхожу из гостиницы и бреду в сторону реки, от которой тянет холодом. Останавливаюсь на условной набережной, у перил старого заграждения, глубоко вдыхаю ночной воздух, вглядываюсь в темноту.

Не получается избавиться от мыслей.

Может быть, когда-то она стояла тут же, на этом самом месте, где сейчас стою я? Вспоминает она меня вообще хоть иногда? Или выбросила из головы, как благополучно выбросила из сердца?

Я-то – вот он. Здесь, чёрт подери...

Ладно. Забыли.

Вздыхнув, заставляю себя развернуться – надо вернуться в гостиницу и хотя бы попытаться поспать.

Глава 8

Ростислав

Утром Беломорск выглядит не слишком-то бодро. Не могу подобрать другого слова для описания. Понятно, что городок маленький – я бы даже сказал крошечный, это вам не столица с её бесконечным движением.

Ночной холод не исчез окончательно, до гостиницы доносится шум машин с дороги поблизости – но слышнее здесь всё равно шум реки Выг, протоки которой закручиваются вокруг островов. Я выхожу на крыльцо одним из первых, держа в руках бумажный стакан с отвратительным кофе из автомата, и несколько секунд просто смотрю на серое небо, низкие дома, мокрый раздолбанный асфальт, в ямах которого скопилась дождевая вода.

Всё равно атмосфера остаётся какой-то сонной. Или мне так кажется, потому что я хреново спал и не выспался?

После вчерашней прогулки до реки мысли в голове окончательно сбились в кучу, и даже усталость не помогла отключиться. Под утро всё-таки провалился в сон, но ненадолго, поэтому сейчас чувствую себя так, как будто полночи разгружал вагон с экспедиционным снаряжением.

Впрочем, это не повод снижать темп.

К восьми утра вся группа собирается у входа в гостиницу. Кто-то выглядит бодро, кто-то явно мечтает вернуться в номер и проспять ещё часов пять, Вероника стоит чуть в стороне с планшетом в руках, сосредоточенным и, пожалуй, немного чересчур деловым лицом. Но это даже неплохо. Излишний энтузиазм в экспедиции иногда раздражает, но равнодушие и наплевательское отношение куда хуже.

– Так, слушаем внимательно, – говорю, дождавшись, пока все наконец перестанут переговариваться и повернутся ко мне. – Сегодня у нас первичное развёртывание лагеря, проверка подъездов, разгрузка оборудования, установка палаток, организация бытовой зоны и осмотр участка без начала работ. Никаких самостоятельных разведок, никаких прогулок по соседним скалам и никаких уходов в духе «я только посмотрю одним глазком». На местности действуем только группами и только после того, как я пойму, что логистика у нас не разваливается. Ясно?

Группа отвечает согласным гулом. Примерно половина товарищей у меня тут опытные, но есть и те, кто поехал в экспедицию в первый-второй раз. Да и вообще всегда лучше проговорить даже очевидные вещи – выше шансы, что кто-нибудь всё-таки не полезет туда, куда не надо.

До места добираемся двумя машинами, после скудного гостиничного завтрака. Дорога совсем короткая, за окнами тянется северный лес, мокрый после ночи, плотный, низкий, тёмно-зелёный, с редкими просветами, в которых виднеется либо вода, либо камень. Выгружаемся на стоянке, от которой идти ещё пешком километра два.

Лагерь решаем ставить не вплотную к рабочему участку, а на допустимом удалении, чтобы не мешать туристическому маршруту и не создавать лишних вопросов. Место заранее согласовано, но на бумаге всё всегда выглядит проще, чем в реальности. На деле приходится ещё раз проходить площадку, смотреть, куда встанут палатки, где будет бытовая зона, как удобнее организовать проход, где складировать оборудование и как сделать так, чтобы наши люди не путались под ногами у туристов и музейщиков.

Через час вокруг уже начинается привычный экспедиционный «упорядоченный» хаос.

Одни разгружают ящики, другие ругаются на крепления палаток, кто-то ищет пропавший моток верёвки, который, разумеется, лежит ровно там, где его оставили пять минут назад. Я прохожу между людьми, раздаю короткие указания, проверяю список оборудования и стараюсь не раздражаться раньше времени.

Раздражаться, конечно, всё равно приходится.

– Ростислав Александрович, – Вероника появляется рядом в тот момент, когда я пытаюсь понять, в каком ящике лежит геодезический штатив. – Я могу взять на себя организацию бытовой части. У нас уже есть список продуктов на первые три дня, я отметила, кто может дежурить по кухне, и ещё нужно решить вопрос с водой, мусором и зарядкой оборудования.

Поднимаю на неё взгляд. Девушка говорит быстро, уверенно – может, с излишним напором но чёрт с ней. Не нравятся мне только её взгляды, которые я начал подмечать ещё в поезде. Такое ощущение, что она какие-то свои планы настроила на эту экспедицию.

Очень надеюсь, что ошибаюсь.

Никакой «романтики» мне точно не надо! Так что пусть будет максимально занята делом.

– Хотите стать координатором жизнеобеспечения лесного лагеря объединённой экспедиции? – уточняю строго.

– Если вы не против, я бы действительно могла этим заняться, – кивает она энергично. – Всё равно кто-то должен следить, чтобы у нас не закончились газ, вода, батарейки... К тому же вам лучше не отвлекаться на бытовые мелочи, когда начнутся работы, Ростислав Александрович, – посылает мне преданный взгляд, который я решаю проигнорировать.

Молчу ещё пару секунд, но потом думаю – ладно. Хрен с ней.

– Хорошо, – киваю наконец. – С этого момента вы отвечаете за жизнеобеспечение лагеря. Вода, питание, бытовые дежурства, мусор, базовая аптечка, зарядка оборудования, связь с водителями по хозяйственным вопросам – всё через вас. Но без самоуправства, Вероника. Если вопрос касается денег, безопасности, доступа к участкам или взаимодействия с людьми, сначала согласовываете со мной.

– Конечно, Ростислав Александрович, – отвечает она слишком быстро и слишком довольюно.

Будем надеяться, я об этом не пожалею. В целом она девчонка способная, иначе я не взял бы её в аспирантки. Аккуратная, исполнительная, внимательная к деталям, в экспедиции это можно направить в мирное русло. Главное – держаться от неё на достаточном расстоянии.

К полудню лагерь уже начинает напоминать лагерь, а не свалку с палатками. Появляется место для еды, отдельный угол под оборудование, временный навес от дождя. Когда день переваливает за середину, я наконец позволяю себе остановиться, выпить воды и посмотреть на участок, ради которого мы сюда приехали.

Скалы здесь едва прикрывает земля. По северным меркам почва вроде как не такая уж плохая, но каменистая, и её слой редко превышает несколько десятков сантиметров, а кое-где из-под мха и корней проступает серый камень. Между деревьями густо стелется брусника, уже успевшая покрыться тёмно-зелёными, словно лакированными листочками, а кое-где виднеются ещё совсем крошечные кустики черники. Сами деревья типичны для этого региона – невысокие, искривлённые, словно практически никогда не затихающий ветер и скудная земля постоянно испытывают их на прочность.

Суровая северная красота

– Ростислав Александрович, – снова подходит Вероника, держа в руках телефон и блокнот. – Я хотела уточнить насчёт музея.

– Что именно? – уточняю не слишком доброжелательно.

– Насколько я понимаю, они должны были выделить представителя для взаимодействия с нами, – кидает она взгляд на экран мобильного. – Но с их стороны пока никто не связался. Я проверила почту, общий чат, телефон, который был в письме администрации, – ничего. Такое ощущение, что не слишком-то они торопятся идти нам навстречу, – добавляет слегка презрительно.

Ох уж это академическое высокомерие к людям, которые работают «где-то там, на местах». Некоторые молодые специалисты снобистски полагают, что в провинции по умолчанию хуже понимают, что происходит с памятниками, чем приезжие исследователи с кафедры.

Собственно, Игорь говорил мне о том же.

Но нет смысла сразу настраивать против себя местных. А если говорить с ними таким тоном, который сейчас позволила себе аспирантка, ни о каком нормальном взаимодействии речи у нас не будет.

– Осторожнее с оценками, Вероника, – говорю спокойно, но достаточно жёстко. – Мы только приехали и ещё ни с кем не познакомились. Местный музей не обязан бегать вокруг нас с первой же минуты.

– Я не это имела в виду, – девушка как будто чуть краснеет.

– Надеюсь, – качаю головой.

На этом можно было бы закончить разговор, но проблема-то никуда не делась. Мне самому совершенно не хочется сейчас заниматься знакомством с музейными сотрудниками, улыбаться, объяснять очевидное, выслушивать опасения и убеждать людей, что мы не собираемся разнести их территорию к чёртовой матери ради пары сомнительных линий на камне. Возможно, нам повезёт и представитель музея окажется нормальным специалистом. Возможно, даже поможет. Но опыт подсказывает, что рассчитывать на идеальный вариант не стоит.

– Свяжитесь с ними сами, – говорю после паузы. – Позвоните в музей, представьтесь координатором лагеря от нашей экспедиции и договоритесь о встрече. Нам нужно понимать, с кем мы работаем и какие у них требования.

Вероника мгновенно оживляется.

– Хорошо. Я могу взять это на себя полностью?

– В пределах разумного, – говорю твёрдо. – Договариваетесь о встрече, уточняете контакты, передаёте список наших текущих потребностей и слушаете, что скажут они. Никаких обещаний, никаких споров о методике, никаких обсуждений зоны работ без меня. Главное – чтобы нам не начали вставлять палки в колёса ещё до начала сезона.

– Поняла, – делает она пометки в блокноте.

– И ещё, Вероника, – добавляю поостроже, – не надо разговаривать с ними так, как будто они нам мешают одним фактом своего существования.

– Я правда не это хотела сказать, Ростислав Александрович, – на этот раз девушка краснеет сильнее.

– Вот и прекрасно.

– Я свяжусь с ними сегодня, – кивает она.

Глава 9

Дарья

В школу я прихожу на следующий же день после разговора с Виктором Семёновичем, решив последовать совету и попробовать «наладить отношения и прекратить воевать»... что бы это ни значило.

Вообще-то мне ужасно не хочется. Даже утром, собираясь на работу, убеждаю себя, что не стоит рубить с плеча – сначала нужно успокоиться, подождать, дать эмоциям улечься. Но чем дольше думаю о вчерашнем разговоре с Ниной Николаевной, тем сильнее понимаю, что не могу.

Сейчас речь идёт о Платоне. Когда дело касается моего сына, я превращаюсь в фурию. И я готова была бы переступить через себя ради чего угодно. Но отдавать своего ребёнка на растерзание комиссии не собираюсь! Или как минимум сделаю всё возможное, чтобы это прошло максимально безболезненно.

Тамара Павловна оказывается у себя в кабинете. Секретарь, видимо, была готова к моему визиту, потому что даже не пытается выяснять цель прихода и сразу предлагает пройти.

Директор поднимает на меня взгляд, когда я открываю дверь.

– Дарья Сергеевна, здравствуйте, – произносит так приветливо, что мне сразу становится не по себе. – Проходите, пожалуйста. Присаживайтесь.

Не люблю я такую вежливость. Лучше откровенно неприязненный, но честный разговор, чем неискренние улыбочки. А от Тамары Павловны искренности не дождёшься. Стоит только вспомнить, что раньше я для неё была «Дашенька» с максимально снисходительной интонацией. Это уж потом мы перешли на полностью формальное общение.

– Спасибо, – всё-таки решаю не нагнетать заранее и присаживаюсь напротив.

Женщина складывает руки на столе и смотрит на меня с приторно-доброжелательным выражением лица.

– Я так понимаю, речь пойдёт о Платоне? – спрашивает заботливо.

– Да, – киваю сухо.

– Нина Николаевна уже рассказала вам о нашей обеспокоенности?

Вот ведь формулировка... «Нашей обеспокоенности»! Как будто речь идёт о тяжело больном ребёнке!

– Если вы имеете в виду рекомендацию пройти комиссию, то да, рассказала, – произношу ровным тоном.

– Дарья Сергеевна, я очень надеюсь, что вы правильно нас поняли, – Тамара Павловна слегка наклоняет голову. – Никто, конечно, не ставит Платону никаких диагнозов! И не считает его ненормальным ребёнком! Речь идёт исключительно о рекомендации обратиться к специалистам.

– На каком основании?

Спокойно, Дарья, говорю себе. Спокойно. Делу не поможет, если ты тут взорвёшься.

– На основании наблюдений педагогов, – тут же отвечает директор.

– Каких именно наблюдений?

– Платон очень умный мальчик, – переплетает пальцы Тамара Павловна, смотрит на меня. – Способный, любознательный, развитый. Но у педагогов вызывают вопросы некоторые особенности его поведения.

– Например?

– Например, трудности социализации.

Я едва не усмехаюсь. Ну конечно. Самый любимый довод абсолютно всех.

– Простите, у него есть проблемы с одноклассниками? – спрашиваю, всё ещё стараясь держаться в рамках. – Его обижают? Или он кого-то обижает?

– Ну, насколько мне известно, никаких серьёзных эпизодов в последнее время не было, – качает головой она.

– Тогда в чём именно выражаются трудности социализации? – пожимаю плечами. – Я действительно не понимаю.

– Платон предпочитает общение со взрослыми, – говорит Тамара Павловна после паузы.

– Это что, запрещено? – поднимаю брови. – Как умные образованные взрослые, с которыми он общается, могут плохо повлиять на ребёнка?!

– Дарья Сергеевна, вы воспринимаете всё слишком эмоционально, – вздыхает директор. – Школа обязана обращать внимание на развитие детей. Если ребёнок демонстрирует определённые поведенческие особенности, мы должны рекомендовать семье обратиться к специалистам.

– То есть мой сын слишком много читает и интересуется учёбой сверх школьной программы – и поэтому его нужно обследовать?!

– Вы опять утрируете, – всплёскивает она руками.

– Нет, я пытаюсь понять вашу логику, – цежу сквозь зубы. – И не вижу её!

Тамара Павловна смотрит на меня несколько секунд, потом снова улыбается.

Господи, до чего же неприятная улыбка...

– Дарья Сергеевна, ПМПК не является наказанием, – говорит так, как будто объясняет слабоумной. – Это возможность получить квалифицированное мнение специалистов. Иногда детям требуется дополнительное сопровождение, индивидуальный подход или рекомендации психологов. Всё это делается исключительно в интересах ребёнка. А Платон воспитывается в неполной семье... за такими детьми всегда присмотр нужен.

Ну разумеется. Не могла не ткнуть меня в это. Молчу, потому что понимаю – нет, ничего у нас не выйдет. Этот её тон – «я лучше знаю, что нужно твоему ребёнку, а ты дура, которая в подоле принесла, и воспитывать сына не умеешь».

– То есть вы на полном серьёзе считаете, что Платону нужна комиссия, – подвожу итог нашей занимательной беседе.

– Я считаю, что любой ответственный родитель хотя бы выслушает мнение специалистов, – выдаёт Тамара Павловна.

Потрясающе. То есть, если я отказываюсь – то автоматически перестаю быть ответственным родителем. Надо отдать ей должное – всегда была манипулятором трёхсотого уровня.

– Спасибо за работу, – выговариваю, поднимаясь. – Но решение относительно моего сына буду принимать я. В конце концов, по закону именно родитель несёт всю ответственность за ребёнка. А не школа.

– Разумеется, – кивает она всё с той же приторной вежливостью. – Никто у вас этого права не отнимает.

Разговор явно закончен – и абсолютно точно бесполезен. Тамару Павловну с её правильными формулировками совершенно невозможно прижать к стенке хоть чем-нибудь конкретным. Она словно заранее подготовилась к каждой моей фразе. ПМПК не наказание, школа заботится о ребёнке, специалисты подскажут, как лучше выстроить образовательный маршрут, а ответственная мать, разумеется, не должна отмахиваться от помощи, которую ей так великодушно предлагают.

Киплю я до самого вечера. А потом всё временно отходит на задний план, потому что на пороге квартиры воздвигается Платон – мокрый до такой степени, как будто через реку не шёл по мосту, а плыл вместе с рюкзаком. Штаны хоть выжимай, кроссовки хлюпают при каждом шаге, куртка тоже сырая, тёмная чёлка прилипла ко лбу и выражение лица такое виноватое, что даже желание ругаться слегка тухнет.

– Платон, – произношу максимально спокойно, хотя хочется орать, – пожалуйста, скажи мне, что ты просто попал под дождь, а не полез к воде, забыв обо всём на свете.

Глава 10

Дарья

Платон виновато моргает, переступает с ноги на ногу, и из одного кроссовка при этом раздаётся такой выразительный хлюп, что мне даже объяснений почти не требуется. Судя по выразительному молчанию, он сейчас пытается подобрать формулировку, которая не будет звучать совсем уж ужасно, но у него, разумеется, ничего не выходит. Сын вообще не умеет врать, да и уклоняться от ответа получается у него примерно так же плохо.

– Мы с Тейво упали в речку, – сообщает наконец Платон очень тихо, но при этом с таким видом, как будто честность должна хотя бы немного смягчить обстоятельства.

Я на несколько секунд закрываю глаза и медленно считаю до пяти, потому что если начну говорить сразу, то ничего хорошего из этого точно не выйдет. Потом всё-таки открываю глаза, смотрю на сына, на мокрый рюкзак, на струйки воды, стекающие с его одежды прямо на коврик у входной двери, и понимаю, что сначала нужно раздеть ребёнка, а уже потом устраивать воспитательные беседы. Северная весна, как бы ласково ни светило солнце днём, всё равно остаётся северной весной, и мокрые ноги здесь заканчиваются простудой быстрее, чем некоторые чихнуть успевают.

– Быстро в ванную, – командую, снимая с него рюкзак и одновременно пытаюсь не думать об учебниках и тетрадях, которые лежат внутри. – Куртку сюда, кроссовки не тащи дальше коридора, одежду сразу в таз, сам под горячий душ. Потом я хочу услышать подробный рассказ о том, как именно вы с Тейво умудрились упасть в речку. И, Платон, сразу предупреждаю! Версия «оно само получилось» меня сегодня не устроит.

– Но оно правда почти само получилось, – вздыхает сын, послушно стягивая куртку и оставляя на полу очередную лужу. – Мы хотели проверить, доплывёт ли палка до маленького мостика, а потом Тейво сказал, что если идти по камням, то видно лучше. Я пошёл не по самым мокрым, честно, но один камень оказался скользкий, и я не успел удержаться.

– А Тейво, надо полагать, тоже не успел? – уточняю я, забирая у него мокрую толстовку и даже не повышая голос, потому что устала уже настолько, что злиться у меня сил нет.

Платон кидает на меня серьёзный взгляд, мнётся ещё секунду, потом всё-таки кивает – видимо, внутренне решив быть честным до конца.

– Он сказал, что древние охотники тоже иногда падали в воду, – сообщает сын и поспешно добавляет: – Но я думаю, это не очень хорошее оправдание, потому что у них, наверное, не было тёплого душа и запасных носков!

– Удивительно мудрая мысль, – говорю, не выдержав и засмеявшись, правда, смех выходит нервным. – Вот с неё и надо было начинать до того, как ты полез на камни!

Через час Платон уже сидит на диване в сухой пижаме, укутанный пледом, с кружкой горячего чая в руках. Я разбираю мокрый рюкзак, спасаю его блокнот, который, к счастью, пострадал меньше, чем мог бы. Сушу феном несколько страниц с размазанными лодками, потом приступаю к учебникам – их, к счастью, частично спасли обложки, частично – плотная ткань самого рюкзака.

На улице тем временем начинает снова накрапывать дождь, и я думаю, что сегодняшней день стоило бы вычеркнуть из календаря вообще весь, целиком.

К ночи сын начинает шмыгать носом, а утром просыпается с температурой, красным горлом и совершенно закономерным кашлем. И это меньше чем за две недели до окончания учебного года!

А-а-а, с другой стороны, не плевать ли... Всё равно в первом классе отметок не ставят, а все контрольные он и так написал прекрасно.

Мне приходится взять больничный. Работа, археологи, о которых предупреждал Виктор Семёнович, и прочее – всё мгновенно отодвигается в сторону. Мало того, что у меня на руках заболевший ребёнок, так ещё и нужно в ближайшие дни собрать справки – не дай бог потребуют для чёртовой комиссии, от одной мысли о которой меня начинает трясти. Так что решаю подстраховаться.

В музее, к счастью, относятся с пониманием. Наша директор, правда, пытается что-то сказать про предстоящий приезд экспедиции, но я почти не слушаю.

– Дарья, я понимаю, что у тебя Платон заболел, но нам всё равно нужно хотя бы проговорить, как музей будет взаимодействовать с ними, – говорит она по телефону, пока я, прижав его к уху плечом, одной рукой проверяю у сына температуру, а второй пытаюсь найти в аптечке детский спрей для горла. – Они приедут со дня на день, администрация уже прислала документы, там руководитель группы, кажется, человек серьёзный, и лучше бы тебе заранее ознакомиться со списком тех, кто будет работать, и с планом работ тоже.

– Какая мне сейчас разница, кто там будет работать! – выдыхаю, покрепче зажимая телефон и одновременно отбирая у Платона градусник, который он пытается рассмотреть на свет. – Мне нужно ребёнка вылечить, взять справку у педиатра, потом ещё понять, к каким специалистам идти, чтобы не прилетело проблем из-за этой комиссии... и не сойти с ума! Археологи подождут, петроглифы пять тысяч лет пролежали под землёй и ещё пару недель точно потеряют!

На том конце директор музея молчит, видимо, решая, стоит ли спорить со мной в таком состоянии, но в итоге благоразумно не спорит. Только просит, чтобы я хотя бы держала телефон включённым и при необходимости перенаправляла вопросы на Люсю, которая, в отличие от меня, реагирует на новость об археологической экспедиции с подозрительным энтузиазмом. Коллега-напарница бодро заявляет, что, если судьба посылает в Беломорск группу крепких мужчин с лопатами, рюкзаками и научными степенями, то такой удачей грех не воспользоваться.

Естественно, походы в поликлинику и сдача анализов занимают все мои ближайшие дни. Заодно говорю с участковой, которая поджимает губы, когда я рассказываю ей о комиссии, но, слава богу, никак не комментирует. И хорошо – а то ещё одного разговора на тему «особенностей развития» я точно не выдержу.

В тот день мы снова идём в поликлинику на приём. Телефон звонит как раз в момент, когда Платон сидит рядом со мной на стуле в коридоре и рисует в блокноте не то лодку, не то палку, которая, судя по всему, всё-таки доплыла до маленького мостика. На экране высвечивается незнакомый номер, и я отвечаю скорее автоматически, чем осознанно, потому что жду звонка из регистратуры по поводу записи к неврологу. Но вместо усталого голоса медсестры слышу бодрый и деловой женский голос.

– Добрый день, Дарья Сергеевна, меня зовут Вероника Климова, я координатор объединённой археологической экспедиции, – быстро произносит девушка. – Мы уже прибыли в Беломорск и хотели бы согласовать встречу с представителем музея, чтобы обсудить порядок взаимодействия, требования по маршрутам, доступу к участкам и текущие организационные вопросы.

Глава 11

Дарья

Господи, и почему эти археологи свалились мне на голову именно сейчас?! Молчу несколько секунд, устало тру перенося, потом наконец отвечаю:

– Вероника, простите, пожалуйста, но вы позвонили не совсем вовремя, – стараюсь говорить вежливо, хотя получается, наверное, не слишком. – У меня болен ребёнок, я сейчас у врача, и у меня, к сожалению, нет возможности обсуждать дела вашей экспедиции. Музей со своей стороны окажет вам всё содействие, разумеется, но я сейчас не могу ни приехать, ни нормально поговорить.

– Ой, извините, мне не сказали, – в голосе девушки появляется лёгкая растерянность, но она почти сразу берёт себя в руки. – Тогда, может быть, мы могли бы договориться о встрече? Завтра или хотя бы через день-два? Нам важно как можно быстрее понять, кто будет контактным лицом от музея, потому что руководитель экспедиции просил не затягивать этот вопрос.

– Я сейчас не могу ничего обещать, – отвечаю честно, глядя на Платона, который уже снова уткнулся в рисунок. – Но если вам нужна оперативная связь, звоните Людмиле Сергеевне, она моя коллега, в курсе туристического маршрута и всех деталей, спокойно относится к археологам и вообще сейчас намного более доступна, чем я.

– Людмиле Сергеевне? – переспрашивает Вероника, и я по шороху понимаю, что она хочет записать.

– Да, – отодвигаю мобильный от уха, параллельно листаю контакты и диктую номер. – Она будет очень рада помочь, честно. Только все принципиальные вопросы по зоне работ, документам и взаимодействию с администрацией всё равно потом согласовывайте через музей официально, а не в устной форме на тропе... а я, как только выйду с больничного, обязательно с вами встречусь.

Девушка благодарит меня, обещает связаться с Людмилой Сергеевной и желает ребёнку здоровья. Вроде вежливо, но таким тоном, что сразу слышно – плевать она хотела, ей хочется скорее вернуться к своим спискам, планам и распоряжениям руководителя. Ну да ладно. Никто не обязан тепло относиться к совершенно незнакомым людям. Я заканчиваю звонок, убираю телефон в карман и несколько секунд просто сижу, глядя на выкрашенную жуткой зелёной краской больничную стену перед собой. Потом поворачиваюсь к Платону, который, отвлекшись от своего блокнота, внимательно смотрит на меня.

– Это были археологи? – спрашивает с интересом.

– Они самые, – вздыхаю я. – Приехали наконец.

– А мы с ними познакомимся?

Я смотрю на сына, на его покрасневший нос, на карандаш в пальцах.

– Сначала поправишься, а там посмотрим, договорились? – отвечаю уклончиво.

К счастью, ничего ужасного из Платонова «купания» в ледяной весенней речке всё-таки не выходит. У сына действительно достаточно крепкое здоровье – да и, видимо, горячий душ, чай, плед и мои панически предпринятые всевозможные меры сделали своё дело. Так что уже через пару дней температура приходит в норму, кашель становится редким, а нос перестаёт выглядеть так, как будто Платон полночи тёр его наждачкой.

Врач, правда, велит ещё посидеть дома, не бегать, не переохлаждаться и не возвращаться в школу до конца недели, чему сын в общем-то совершенно не огорчается. Да и с учётом того, что до каникул остаются считанные дни, особого смысла выходить всё равно нет.

– Значит, в школу уже не пойдёшь, – говорю утром, убирая справку в папку с документами. – Нина Николаевна, наверное, будет очень расстроена, что не сможет ещё раз обсудить с тобой твою любовь к древним охотникам.

Платон поднимает на меня глаза от блокнота и явно пытается понять, шучу я или нет.

– Я могу ей потом рассказать, когда начнётся второй класс, – предлагает серьёзно. – Хотя, если честно, Тейво считает, что Нина Николаевна не очень любит древних охотников. Он говорит, ей больше нравятся ровные строчки в тетрадах, чем настоящие истории.

Я невольно хмыкаю, потому что с Тейво в данном случае трудно не согласиться.

– Давай мы всё-таки не будем обсуждать Нину Николаевну, хорошо? – прошу сына мягко.
– И не будем передавать ей слова Тейво.

Этого нам только сейчас не хватало, думаю про себя.

– Хорошо, – послушно кивает Платон, но по выражению лица сына я вижу, что мнение Тейво он запомнил и внутренне считает весьма разумным.

На следующий день мне, понятное дело, пора выходить на работу – больничный закончился, да и туристический сезон наступает. Конечно, отпускать сына гулять я пока не собираюсь, но ребёнку уже не требуется всё моё внимание.

– Я сегодня ненадолго, Платош, – говорю, быстро собирая сумку. – Ты уже почти здоров, но это не значит, что можно снова проверять, насколько холодная вода в речке. Никаких прогулок с Тейво и никаких походов к мостикам. Если станет скучно – читай, рисуй, смотри мультики, хоть все стены новыми петроглифами обклей, но дома!

– Я всё слышу, – сообщает сын с дивана, не отрываясь от блокнота. – Мы с Тейво сегодня собирались как раз дома заниматься.

– И чем именно? – настораживаюсь я.

Платон наконец поднимает голову.

– Мы хотим составить карту мест, где могут быть новые рисунки. Не настоящую карту, мам, не для археологов. Просто нашу. Тейво говорит, что люди раньше выбирали не случайные камни, а такие, откуда хорошо видно воду, путь зверя и небо.

Несколько секунд смотрю на сына. За последний год я успела привыкнуть к тому, что его воображаемый друг рассуждает как взрослый человек, интересующийся древней историей, но иногда такие фразы всё равно застают меня врасплох.

– Карты можно, – разрешаю после паузы. – Но только на бумаге. Никаких проверок на местности без меня. Договорились?

– Договорились, – серьёзно кивает Платон.

– И с Тейво тоже договорились?

Сын на секунду задумывается, словно действительно кого-то слушает.

– Он говорит, что договорился.

– Вот и прекрасно, – вздыхаю в ответ. – Передай ему, что я очень ценю его благоразумие.

В музей прихожу чуть позже обычного и почти сразу понимаю, что спокойного рабочего дня мне не светит. Люся буквально выскакивает навстречу, хватая за рукав и утаскивает в сторону кабинета с таким видом, как будто собирается сообщить мне новость государственной важности. По сияющим глазам уже понятно, что археологи не только добрались до города, но и познакомились с ней, и её личные ожидания по их поводу полны оптимизма.

– Дашка, ты даже не представляешь, что пропустила! – начинает она шёпотом, который слышен, наверное, в соседнем зале. – Я вчера ездила к ним в лагерь, потому что звонила эта их Вероника, ну координатор, такая деловая девица с планшетом. И там, значит, вся группа, ящики, палатки, какие-то штативы, верёвки, все бегают, как муравьи... а потом появляется он!

– Кто он? – снимаю жилет, вешаю на спинку стула и пытаюсь разобраться с чехардой на своём рабочем столе.

– Руководитель экспедиции, кто же ещё! – всплёскивает руками Люся. – Дашка, это просто... ну ты понимаешь, когда человек вроде бы весь такой полевой, с рюкзаком, в куртке, в ботинках, но при этом сразу видно – мужик! Профессор! Или не профессор, не знаю, кто он там, но уровень прямо сразу видать!

– Люсь, ты ездила согласовывать взаимодействие музея с экспедицией, – качаю головой, просматривая бумажки, – или выбрать себе мужчину на лето?

– Одно другому не мешает, – ничуть не смущается коллега. – Тем более взаимодействие я согласовала, документы посмотрела, их просьбы записала, наши требования передала, про туристов предупредила, что маршрут перекрывать нельзя, возле групп не шуметь, под ноги людям ничего не бросать. А потом, как ответственная сотрудница музея, оценила общий морально-эстетический облик экспедиции!

– И как облик?

– Руководитель шикарный!

Я всё-таки смеюсь.

– Поняла. Это главное. И как зовут это чудо природы?

Глава 12

Дарья

– Ростислав, прикинь, какое имя! – отвечает Люся, и у меня на секунду темнеет в глазах.

Нет... Да нет, не может этого быть. Это какой-то другой Ростислав. Не тот, который... Нет, он же за границей. Где там... в Норвегии? Или в Швеции? Или в Шотландии? Понятия не имею... Но не здесь, не у нас, не в крошечном провинциальном городке!

Да. Это не он. Конечно, не он.

Пару раз моргнув, с трудом фокусируюсь на коллеге, которая продолжает рассказывать:

– ...главное, что он умный! И, кажется, нормальный! Не из тех, кто приезжает из столицы и разговаривает с нами так, как будто мы тут лаптем щи хлебаем. Хотя аспирантка его, конечно, смотрит свысока, но её я как-то переживу...

Хорошо, что Люся такая болтушка и, похоже, слишком занята собственными впечатлениями – по лицу коллеги видно, что внешние данные руководителя экспедиции с редким именем Ростислав занимают в её личной классификации далеко не последнее место. Счастье, что она не заметила моей реакции. Лишние вопросы мне ни к чему.

Я, прокашлявшись, дожидаясь паузы в её речи и говорю, стараясь, чтобы звучало равнодушно:

– Главное, чтобы они нам туристический маршрут не разнесли и лишних проблем не устроили. А уж насколько шикарен их руководитель, меня сейчас волнует примерно никак.

– Это ты так говоришь, потому что его ещё не видела, – заявляет Люся с полной уверенностью. – Вот увидишь – поймёшь, что я абсолютно объективна!

– Не сомневаюсь в твоей объективности ни секунды, – говорю, усаживаясь за стол и открывая папку. – Лучше расскажи, что они хотят от музея и насколько срочно мне нужно в это влезать в подробностях.

Люся вздыхает, явно разочарованная моим полным равнодушием к главной, по её мнению, новости недели, но всё-таки послушно начинает выкладывать детали. Я слушаю про лагерь, про доступ к участку, про просьбу заранее предупредить о больших туристических группах, про необходимость согласовать время первичного осмотра зоны работ и про то, что руководитель экспедиции просил встретиться лично, как только я выйду с больничного.

Я и раньше не особо-то горела желанием, а уж теперь – тем более! Если хотя бы на секунду предположить, что этот Ростислав – всё-таки *мой* Ростислав...

Да какой твой-то, Дарья! В каком месте он остался твоим после того, что между вами случилось?!

Ладно. Ладно, чёрт с ним. Всё-таки теплится у меня слабая надежда, что среди археологов нашей страны может найтись ещё один мужчина с таким же именем. Надо проверить список... директор же говорила мне, чтобы я ознакомилась, а мне не до того было.

– Сейчас, Люсь, я документы проверю, – прошу рассеянно, потеряв нить разговора.

– Ага, я там тебе на почту скинула то, что они мне посылали, – говорит коллега, доставая завибрировавший мобильный. – Сейчас вернусь, – кивает мне и торопливо выходит из кабинета, отвечая на звонок.

Включаю старенький компьютер, нервно щёлкаю мышкой, дожидаясь, пока загрузится... Ну, давай же! Давай! Вот оно – письмо, там же файлы по экспедиции.

Прокручиваю документ вниз и остановившись взглядом смотрю на подпись, знакомую до последней чёрточки.

Костромицкий Р. А. Чёрт подери...

Откуда ж ты взялся в наших гребнях, Эр-А Костромицкий?! За каким хреном приехал?!

Хотя как за каким – за петроглифами...

И плевать ему, что я тоже здесь. Хотя он прекрасно об этом знает – не может не знать. Но приехал – и хочет «взаимодействовать», чтоб его бесы на скальной сковородке поджаривали!

Закрываю глаза, делаю несколько глубоких вдохов через нос, снова открываю, смотрю на подпись.

Столько лет прошло... Ему наверняка на меня давно наплевать. Ну, придётся как-то контактировать – но, слава богу, Люся от него в восторге, можно будет переложить часть обязанностей на неё. А потом они раскопают свой разрешённый участок и уедут.

На секунду мстительно желаю, чтобы они не нашли там абсолютно ничего, но тут же, вздохнув, заставляю себя прекратить. Все остальные участники экспедиции ведь не виноваты.

А вот мне предстоит кошмарное лето – сплошной забег между музеем, школьной комиссией, врачами, Платоном с его Тейво, археологами – и в дополнение ко всему прочему своим бывшим. Вот радость-то. Счастье-то какое.

– Даш, посмотрела? – в кабинет возвращается Люся.

– Да, посмотрела, – говорю, закрывая почту. – Свяжись с этой их... как там её...

– Вероника! – подсказывает мне коллега.

– Да, она. Передай им, что я... хм-м, сейчас разберусь с текучкой, – проверяю график назначенных экскурсий, – и смогу подъехать к участку через два дня после обеда. До этого момента у нас сплошь туристические группы, просто не получится вырваться.

– Передам, – тут же оживает Люся. – А можно я с тобой?

Смотрю на неё и получаю в ответ самый невинный взгляд.

– Ради бога, – киваю, вздохнув.

– Супер! – расплывается она в широченной улыбке.

Я бы употребила другое слово. Но материться мне воспитание не позволяет.

Несмотря на то, что я уговариваю себя, что мне абсолютно всё равно – весь этот и следующий день у меня всё валится из рук. Понимаю, что проще было бы увидеться сразу – и уже оставить этот вопрос в стороне. Но тяну, как человек, боящийся идти к стоматологу и терпящий до последнего – и одновременно понимающий, что в отсрочке ничего хорошего не будет.

– Мам, Тейво говорит, что ты как-то очень нервничаешь в последние дни.

Платон смотрит на меня так, что мне чуть не впервые неловко под его взглядом.

– Просто очень много работы, Платош, – говорю негромко, и он кивает, принимая объяснения.

Знает, что такое горячий сезон для экскурсовода и сотрудника музея. Сейчас, конечно, ещё не самая жара, когда у нас бывает по несколько групп ежедневно, и мы натаптываем по лесам по пятнадцать-двадцать километров в день. Но возросшая нагрузка уже чувствуется.

Платон возвращается к своей карте, а я наблюдаю за ним.

Меньше всего я хочу, чтобы появление Ростислава осложнило жизнь моему сыну. Нам и без того хватает проблем. И в то же время я понимаю, что ограничить передвижения Платона у меня не получится – всё равно он так или иначе познакомится с археологами...

Одна надежда, что Ростислав не будет устраивать никаких сцен. В конце концов, ему было безразлично все эти годы – так с чего он заинтересуется Платоном сейчас?

– Мам, мы с Тейво завтра можем уже выйти погулять? – спрашивает Платон, оторвавшись от рисования.

– Где? – уточняю сразу.

– Ну... можно по маршруту, – кидает он на меня хитрый взгляд, и я невольно усмехаюсь.

«По маршруту» – это одни слова. Платон свернёт в сторону от группы при первой же возможности.

– Только если будет хорошая погода, – сдаюсь, подумав.

Не сидеть же ребёнку дома летом, тем более он уже совсем здоров. Всё равно я завтра на маршруте с утра. Послежу, чтобы сын не ушёл к археологам. Надеюсь, они заняты в это время на своём раскопе. А после обеда... после обеда захвачу Люсю – и пойдём «взаимодействовать».

Глава 13

Ростислав

Уже на следующий день после окончания всех бытовых хлопот в лагере устанавливается вполне бодрая рабочая атмосфера. Поначалу всех всегда переполняет оптимизм, даже тех, у кого большой опыт и кто понимает, что экспедиция может закончиться ничем.

Пара участников возится возле геодезического оборудования, ещё двое чертят схемы участка. Буквально с соседнего камня доносится негромкий спор о методике фиксации отдельных элементов рельефа, и я впервые за последний месяц выдыхаю, чувствуя то знакомое состояние, ради которого вообще продолжаю ездить в экспедиции.

Здесь всё просто и понятно. Есть участок. Есть работа. Есть люди, которым эта работа действительно интересна. Никаких бесконечных заседаний кафедры, отчётов и разговоров о финансировании.

Только лес, камни и пять тысяч лет истории под ногами.

– Ростислав Александрович, – окликает меня Вероника, подходя ближе. – Представитель музея приехал.

Ну наконец-то! Если честно, отсутствие контакта с музеем начинает меня раздражать. Конечно, болезнь ребёнка не предусмотреть в графике, и это совершенно нормальная жизненная ситуация. Но сроки у нас тоже никто не отменял. Мне необходимо знать, как организовано движение туристов, кто отвечает за конкретные участки, какие ограничения существуют помимо уже указанных в документах и что вообще думают местные сотрудники о нашей работе.

Без этого всегда возникают проблемы.

– Кто приехал? – спрашиваю, снимая перчатки.

– Людмила Сергеевна, – отвечает Вероника. – Очень приятная женщина.

Через несколько секунд между деревьями появляется невысокая, немножко полная светловолосая женщина лет тридцати. Она бодро машет рукой, словно мы старые знакомые, быстро подходит к лагерю и останавливается передо мной.

– Здравствуйте! Людмила Сергеевна, можно просто Люся! – представляется с улыбкой. – Я из музея.

– Ростислав Костромицкий, – киваю в ответ. – Руководитель экспедиции.

– Я уже знаю, – сообщает с таким довольным видом, что мне становится слегка неудобно.

– Вы и правда именно такой, как мне описывала Вероника!

Перевожу взгляд на аспирантку. Та неожиданно начинает очень внимательно смотреть куда-то в сторону склада оборудования. Ну просто прекрасно. Восхитительно. Меня, похоже, уже обсудили в подробностях.

– Надеюсь, только в положительном смысле, – говорю максимально нейтрально.

– Исключительно! – заверяет она. – Выглядите как человек, который знает, что делает!

– Приятно слышать, – вежливо киваю.

– А ещё я ожидала, что вы будете намного старше, – неожиданно многозначительно улыбается Людмила.

Вероника начинает подозрительно кашлять.

Господи... И почему у меня ощущение, что я не рабочее совещание сейчас провожу, а пришёл на какое-то крайне неудачное свидание вслепую?

– Людмила Сергеевна, – произношу спокойно, – может быть, перейдём к вопросам взаимодействия?

– Конечно! – тут же кивает она. – Простите, это у меня профессиональная деформация. Очень люблю общаться с людьми!

Оно и видно.

Следующие двадцать минут мы обсуждаем маршруты. Люся показывает схемы туристических троп, рассказывает, где обычно скапливаются группы, какие места лучше не перекрывать и почему некоторые участки пользуются особенной популярностью.

Очень быстро становится понятно, что территорию женщина знает отлично, и я немного расслабляюсь. Хотя она сама честно говорит, что та сотрудница, которая должна была этим заниматься, значительно больше в теме.

– Дарья Сергеевна обычно всеми такими вопросами занимается сама, – говорит Люся, водя пальцем по карте. – Но у неё сейчас сын болеет, поэтому пока я вместо неё.

Я прикусываю язык.

Это, наверное, потому что я именно здесь, в Беломорске. Вообще-то, давно уже не реагирую на имя Дарья. Даже с тем же отчеством. Распространённое имя.

– Надеюсь, сейчас всё в порядке? – спрашиваю машинально, думая о своём.

– Уже лучше, слава богу. Пацан в речку упал и простудился, напугал мать до полусмерти.

Киваю, давя снова вспыхнувшее раздражение. Было бы намного проще, если бы ответственный сотрудник появился здесь сразу. Понимаю, форс-мажор, со всеми случается. Но почему ж всегда так невовремя?

– Когда мы сможем познакомиться с Дарьей Сергеевной? – спрашиваю у сотрудницы.

– Через несколько дней, – отвечает Люся. – Она обещала прийти к вам сразу, как с больничного выйдет.

Ну ладно, несколько дней – не смертельно.

– Хорошо, – киваю в ответ. – Тогда пока работаем так.

Следующие дни проходят именно так, как и должна проходить нормальная экспедиция. По утрам нас будит солнце, которое в это время года на севере не желает уходить за горизонт надолго, потом начинаются привычные хлопоты с оборудованием, разметкой и замерами, к вечеру все валятся с ног от усталости. Мы снимаем верхний слой почвы медленно, аккуратно, фиксируя буквально каждые полметра, потому что спешка в археологии обычно стоит очень дорого.

Пока ничего особенно интересного участок не показывает. Но я и не ждал ведь, что нам сразу повезёт. Сначала один слой, потом другой, потом расчистка... время есть.

Правда, та самая Дарья Сергеевна из музея всё не появляется.

Каждый день Вероника сообщает мне примерно одно и то же.

– Людмила Сергеевна сказала, что у них несколько групп, – докладывает она очередным утром, заглядывая в блокнот с планом работ. – Но после обеда послезавтра Дарья Сергеевна точно сможет приехать.

– Замечательно, – отвечаю, делая очередную пометку. – Счастливи слышать.

Вероника поднимает на меня взгляд.

– Вы сердитесь?

– Нет, – качаю головой. – Просто не люблю, когда рабочие вопросы приходится решать через несколько посредников. Мы уже четвёртый день здесь работаем, а с человеком, который отвечает за взаимодействие со стороны музея, я до сих пор даже не знаком!

Стараюсь говорить спокойно, потому что прекрасно понимаю, что без косяков не бывает... И всё же раздражение никуда не исчезает. Не люблю подвешенные ситуации. Особенно когда приходится постоянно ждать какого-то разговора и держать в голове, что вот-вот появится ещё один человек, от которого будет зависеть часть нашей работы.

К обеду того самого дня, когда обещает приехать сотрудница музея, солнце начинает припекать уже совсем по-летнему. Половина группы трудится на участке, несколько человек

ушли к лагерю за дополнительным оборудованием, а я в очередной раз прохожу вдоль края раскопа, проверяя привязки.

Настроение у меня, честно говоря, так себе.

С одной стороны, мы вроде бы движемся в правильном направлении. С другой – никаких явных признаков новых изображений пока нет. Да ещё и эта бесконечно откладывающаяся встреча с музейщиками начинает действовать на нервы.

– Ростислав Александрович, – окликает меня Вероника. – Вам чай принести?

Нахожу её взглядом – девушка стоит чуть в стороне, держа в руках термос и кружку.

– Спасибо, Вероника, я сам справлюсь, – сдерживаю злость.

– Но вы с самого утра ничего не пили...

– Вы следите за моим питьевым режимом?

– Нет, конечно, нет... просто заметила, – краснеет она.

Господи... надо было назначать координатором лагеря кого угодно, только не собственную аспирантку!

– Идите работать, Вероника – говорю максимально мягко, опускаюсь на корточки возле края скального выступа, присматриваясь к камням. –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.